

К 70-летию Института языкознания РАН

УДК 81'13 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-146-162

**НАУКА О ЯЗЫКЕ XX-XXI в.в. И ЕЕ ТВОРЧЕСКИЕ ЛИКИ.
ИЗ ЖИЗНИ СЕКТОРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ:
Т.В. БУЛЫГИНА, Ю.С. СТЕПАНОВ, В.Н. ТЕЛИЯ**

Постовалова Валентина Ильинична

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ИЯз РАН
Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
aroni4@yandex.ru

В безначальном уме Творца нашего человек задуман как один, единый, но в большом числе ипостасей. В этом чудном единстве каждый, в каком-то смысле. внутри своей ипостаси является центром всего: все и всё – для него. Он же все свое и всего себя отдает для всех и каждого. Нет ни большего, ни меньшего... Создается при этом совмещение усилий, тесное сотрудничество, конвергенция в порыве благочестивого творчества, обеспечивающего восхождение в духовную сферу Царства Святой Троицы.

Архимандрит Софроний (Сахаров). Завещание

В статье, посвященной 90-летию со дня рождения сотрудников сектора общего языкознания Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, на основе аналитического описания их творческого пути обосновывается мысль о том, что сектор, где проходила их научная деятельность в течение почти пятидесятилетнего периода, представлял собою настоящий микрокосм лингвистической мысли. Здесь разрабатывались подходы и направления, ставшие ведущими в гуманитарном познании нашего времени (филология языка, металингвистика, лингвосомиотика, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология). Обсуждались теоретико-методологические вопросы, которые не только не потеряли своей актуальности в наши дни, но, напротив, оказались в эпицентре дискуссий и размышлений в современной лингвистике. К их числу относятся вопросы рефлексивного характера, касающиеся определения предмета изучения в лингвистических дисциплинах, установления границ лингвистической реальности, оценки научности проводимых исследований, осмысления совершающихся в гуманитарном познании интегративных процессов, а также вопросы формирования и смены научных парадигм. Рассматриваются некоторые черты творческого лика Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, задающие в своей совокупности портрет ученого нашего времени.

Ключевые слова: семиотика, философия языка, металингвистика, внутринаучная рефлексия, лингвокультурология, парадигмы научного мышления, антропологический поворот, реализм и номинализм, культурно-языковой синтез

Данная статья, посвященная 90-летию со дня рождения Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, является продолжением публикации в этом журнале статей о творческом пути академика Б.А. Серебrenникова, бессменного руководителя сектора общего языкознания в Институте языкознания РАН¹. Созданный Серебrenниковым сектор на всем, почти пятидесятилетнем периоде своего существования, на который приходилась научная деятельность в нем наших незабвенных коллег Татьяны Вячеславовны, Юрия Сергеевича и Вероники Николаевны, представлял собою настоящий микрокосм лингвистической мысли этого времени². Здесь разрабатывались подходы и направления, ставшие ведущими в гуманитарном познании нашего времени, – философия языка, лингвосомиотика, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концептология, металингвистика.

В секторе поднимались теоретические и методологические вопросы, которые не только не потеряли своей актуальности в наши дни, но, напротив, оказались в эпицентре дискуссий и размышлений в современной лингвистике. К их числу относятся, в первую очередь, вопросы рефлексивного характера, касающиеся определения предмета изучения в лингвистических дисциплинах и уст иановления границ лингвистической реальности, оценки научности проводимых исследований и осмысления совершающихся в гуманитарном познании интегративных процессов. А также вопросы формирования и смены научных парадигм. В философии науки вопросы такого типа получили название внутринаучной рефлексии, или рефлексии самих ученых над своей наукой.

Рассмотрим, как некоторые из таких металингвистических вопросов были осмыслены в творческом опыте Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, работы которых стали основанием для осмысления данной проблематики и в современной лингвистической мысли.

1. Лингвистика под знаком мета: внутринаучная рефлексия в науке о языке в метанаучном осмыслении Т.В. Булыгиной. Одну из центральных установок рефлексивных исследований Т.В. Булыгиной в науке о языке составляет установление специфики лингвистического знания, или, по выражению Татьяны Вячеславовны, определения *лингвоспецифического*. Эта метазадача сводится у нее к рассмотрению того, где пролегает граница лингвистического и нелингвистического в науке о языке.

Вопрос об истолковании лингвистического рассматривался Булыгиной в связи необходимостью установления того, что входит в семантическое описание как лингвистически релевантное, а что должно быть отнесено к так называемой нелингвистической прагматике. Согласно Булыгиной, в основу установления лингвоспецифического в семантике может быть положена *дихотомия конвенционального (кодифицированного) и неконвенционального*. Татьяна Вячеславовна разделяет идею о том, что граница между лингвистической семантикой и нелингвистической прагматикой проходит по линии разграничения между языковыми конвенциями и явлениями, не конвенциализованными в конкретном языке.

По мысли Булыгиной, развиваемой в статье «О границах и содержании прагматики» (1981), хотя все, что не конвенционально, и представляет определенный интерес для

---

¹ См. наши работы: [Постовалова 2017 а; 2017 б].

² Т.В. Булыгина была сотрудником Института с 1954 по 2000 г., В.Н. Телия – с 1963 по 2011 г., Ю.С. Степанов – с 1971 по 2012 г., а в качестве заведующего сектора общего (теоретического) языкознания – с 1992 по 2001 г.

лингвиста, это не должно отражаться в лингвистическом описании, поскольку язык есть конвенциональная знаковая система [Булыгина, Шмелев 1997: 254].

Классическую тему внутринаучной рефлексии составляет осмысление фундаментальной антиномии научного познания относительно единственности истины и многообразия образов ее проявления в научном познании. В самосознании науки второй половины XX в. данная антиномия рассматривалась как проблема выбора теории в ситуации неединственности теоретико-эмпирического представления реальности.

В металингвистике эта общенаучная проблема осмысливалась в трех планах. Во-первых, в *онтологическом плане* как проблема определения статуса лингвистического описания в плане соотношения описания и реальности. Во-вторых, в *гносеологическом плане* как проблема поиска критериев для оценки реальных лингвистических описаний с целью выбора из них наиболее оптимальных. И, наконец, в-третьих, в *коммуникативном плане* как проблема возможности достижения взаимопонимания в ситуации множественности лингвистических описаний при воссоздании образов лингвистической реальности.

В изложении Т.В. Булыгиной осмысление онтологического статуса лингвистического описания обсуждалось в русле противопоставления двух подходов, известных под названиями «лингвистики божественной истины» и «лингвистики фокусничества» (*hocus-rocus approach*). Разграничение между данными подходами было эксплицитно сформулировано Ф. Хаусхолдером в его рецензии на книгу З. Харриса «Методы структурной лингвистики» (1951), где Хаусхолдер отождествляет эти два типа лингвистики со средневековыми философскими учениями реализма и номинализма.

Согласно первому подходу, принимаемому в «лингвистике божественной истины», язык как онтологическое образование обладает определенной структурой. И задача лингвистов состоит в том, чтобы, обнаружив такую структуру (*God's truth structure of the language*), осуществить наиболее ясное, экономное и элегантное ее описание [Булыгина 1977: 75]. Согласно второму подходу, принимаемому в «лингвистике фокусничества», язык представляет собой беспорядочную массу несогласованных между собой данных. И задача лингвистов заключается в том, чтобы приписать этой бесформенной массе некую структуру, не противоречащую имеющимся языковым фактам.

В понимании Булыгиной, разделение лингвистики на эти два типа не является адекватным в трех отношениях [Там же: 80, 84, 77]. Во-первых, такое разделение игнорирует факт творческого характера познавательной деятельности в лингвистике. Во-вторых, оно является чисто логическим упрощением, поскольку элементы соответствующих концепций не связаны отношением взаимной импликации. Наконец, в-третьих, такое разделение фактически снимает проблему выбора оптимального способа описания в лингвистике.

В представлении же Булыгиной во всякой науке существуют более или менее эффективные модели описания тех или иных наблюдаемых явлений. Татьяна Вячеславовна различает *внешнюю* и *внутреннюю адекватность лингвистического описания*. Внешняя адекватность касается эмпирической адекватности лингвистического описания, или его совместимости с реальными фактами языка. Внутренняя же адекватность опирается на соответствие такого описания внеэмпирическим критериям. К числу критериев, с помощью которых могут устанавливаться достоинства как самих сравниваемых теорий, так и основывающихся на них альтернативных лингвистических описаний, по мысли Булыгиной, относятся: общий характер правил, объясняющая сила, простота,

а также эффективность объяснения, из которых наибольшей объективации поддается критерий простоты.

Следствием существования множественности взглядов на лингвистическую реальность в современной науке является *ситуация непонимания* среди ученых, работающих в разных парадигмах научного познания и пользующихся различными метаязыками. Возникает вопрос, как можно преодолеть такое непонимание среди лингвистов разных школ и направлений. Или, образно говоря, как возможно разрешить возникающую здесь «языковедческую девавилонизацию»³. По мысли Т.В. Булыгиной, необходимым условием для разрешения такой «девавилонизации» будет установление концептуально-терминологических соответствий в использовании синонимов и омонимов в метаязыках разных школ и направлений [Там же: 13].

В металингвистике XX в. одной из первостепенных задач стала выработка адекватного представления о природе лингвистического знания и его специфике в сравнении со знанием естественнонаучным и математическим. Приступая к аналитическому рассмотрению данной темы, Булыгина обращает внимание на тот факт, что общее науковедение, в терминах которого анализировалась и лингвистика, разрабатывалось главным образом на основе естественных наук. В науковедении была разработана концепция унифицированной науки, согласно которой всем эмпирическим наукам свойственен некий общий метод объяснения и предсказания, выступающий в наиболее чистом виде в естественных науках. Стремление же привести науку о языке в возможно более полное соответствие с метанаучными канонами естествознания сопровождается обычно явным или неявным признанием превосходства естественных наук.

Вопрос о *специфике лингвистического знания* в сравнении с естественнонаучным Т.В. Булыгина рассматривает на примере осмысления принципов синхронического описания языка. В понимании Булыгиной, особенность описания в синхронно-описательной грамматике связана с тем, что такая грамматика оперирует понятием правила, а не закона. Правила же, формулируемые в синхронно-описательной грамматике, не представляют собой объяснений дедуктивно-номологического типа, характерных для естественных наук. Это скорее – концептуальный анализ, экспликация имплицитного знания грамматических правил, а еще точнее, экспликации знания некоторых до-теоретических правил, соответствующих теоретическим правилам, формулируемым в лингвистическом описании.

Отметим, что в период дискуссии 70-80 годов прошлого века о том, является ли язык системой знаков (единиц), как это считалось в классическом структурализме, или системой правил, как это утверждалось в динамической порождающей грамматике Хомского, Т.В. Булыгина принимает диалектическую позицию, согласно которой язык есть одновременно и система единиц и система правил [Там же: 13]. На вопрос же о том, можно ли считать *научным* описание, при котором исследователь знает описываемый язык, Булыгина дает положительный ответ. По ее мысли, принятие того, что в основе синхронно-описательного языкознания лежит экспликация интуитивного знания языковых правил, заранее известного исследователю, отнюдь не подразумевает признания

---

³ Выражения «Вавилон» и «языковедческая девавилонизация» отсылают к библейскому образу Вавилонского смещения об утрате взаимопонимания между людьми (Быт 10. 1-9). А также соответственно к онтологическому событию Пятидесятницы, или сошествия Святого Духа на Апостолов (Деян 2. 2-8, 13-17), свидетельствующему о возможности преодоления возникшего непонимания между людьми (1 Кор 14. 1-6, 9-19).

ненаучности лингвистического описания. Ведь знать какое-либо конкретное языковое правило не означает знать соответствующее ему теоретическое правило. А «вербализовать» или записать в какой-либо символической форме все имеющиеся в языке правила отнюдь не означает осуществить их научное описание [Булыгина 1980: 132].

2. Язык, Семиотика и Культура в метанаучном осмыслении Ю.С. Степанова. Для творческого подхода Юрия Сергеевича Степанова была в высшей степени характерна установка на рефлексивность мышления как особую форму самосознания в культуре. Центральным вопросом внутринаучной рефлексии в науке о языке, в понимании Степанова, является вопрос: «Как развивается лингвистика по мнению самих лингвистов? Как вообще развивается какая-либо конкретная наука по мнению представителей самой этой науки?» [Степанов 1980: 13]. Рефлексивное акцентирование этого вопроса в творческом опыте Степанова объясняется спецификой гносеологической ситуации в науке о языке конца XX-начала XXI вв., суть которой составляет наличие активных интегративных процессов в познании, быстрая смена лингвистических парадигм и связанный с этим постоянно изменяющийся образ языка.

Осмысление этих процессов выводило творческую мысль Степанова на более широкую постановку вопроса о том, как происходит развитие и других сфер знаний и, прежде всего, семиотики и как вообще осуществляются эволюционные процессы в культуре. Особое внимание при рассмотрении этих эпистемолого-гносеологических вопросов Степанов отводил семиотике, говоря о «семиотическом введении в гносеологию» или об «опыте введения в теорию познания от семиотики» [Степанов 1998: 20].

Одним из предметов рефлексивного осмысления Ю.С. Степанова стал вопрос об *эпистемологическом статусе научных парадигм*. Первоначально вопрос о научных парадигмах в лингвистической мысли Степанов рассматривал в составе философии языка. Причем, в его интерпретации, сама философия языка трактовалась как синоним «парадигмы», под которой он понимал господствующий взгляд на язык, связанный с определенной философской позицией [Там же: 176]⁴. Сгруппировав различные подходы к языку в соответствии с предпочитаемым в них измерением – семантическим, синтаксическим и прагматическим (дектическим), – Степанов строит свою типологию философий языка, или парадигм, где различает три парадигмы представления языка в истории лингвофилософской мысли [Там же: 175-473].

Это, во-первых, *семантическую парадигму* (философию имени), исходящую из имени и его отношения к миру. Во-вторых, – *синтаксическую парадигму* (философию предиката), опирающуюся на предикат как на ядро суждения и изучающую синтаксические связи между языковым выражением и взглядом на мир усредненного носителя языка, лишенного личностных свойств. И, наконец, – *прагматическую (дектическую) парадигму* (философию эгоцентрических свойств), исходящую из момента связи между языком и говорящим субъектом. Первая парадигма, по Степанову, разрабатывалась в философии языка со времен античности вплоть до начала XX века. Вторая – в философии языка неопозитивизма. Третья – в философии языка позднего логического неопозитивизма (Б. Рассел) и в формальной прагматике (Р. Монтегю, К. И. Льюис, Я. Хинтикка и др.).

⁴ По утверждению Н.М. Азаровой, Ю.С. Степанов к концу века фактически отказывается от самого термина «парадигма», предпочитая рассматривать научную мысль как некую целостность [Азарова 2012: 44].

Позже Ю.С. Степанов, приступая к изучению эволюции лингвофилософских течений, разработал типологию философий языка, избрав в качестве основания этой типологии членение семиотического объекта на Систему и Текст. По данной типологии первой философией языка является Реализм, восходящий к идеям Аристотеля. Центральную установку этого типа философии языка Степанов определяет с помощью максимы «От Системы к “тому, что по ту сторону от нее”» [Там же: 542].

Второй философией языка, по данной типологии, является Номинализм, восходящий, по Степанову, к идеям Оккама – «последнего великого номиналиста Средневековья» и «первого номиналиста Нового времени» [Там же: 721]. Центральную установку данной философии языка Степанов определяет с помощью максимы «От Текста к “тому, что извлекается из Текста”» [Там же: 581].

И, наконец, третьей философией языка в истории мировой лингвофилософской мысли, в истолковании Степанова, является Новый реализм, под которым он понимает особое неореалистическое течение в современной философии языка, объединяющее в своем составе ряд философских, религиозно-богословских и художественно-эстетических направлений [Там же: 712-738]. Центральную установку данного типа философии языка Степанов передает с помощью максимы «Между Системой и Текстом», отмечая, что в ментальности этого типа на первый план выступает категория Дискурса как языкового выражения Мира (любого из «миров») [Там же: 655].

Центральным философско-методологическим вопросом, стоящим за всей проблематикой Нового реализма, для Степанова, является проблема истолкования статуса стратегии *реализма (бытийственности)* в современном лингвофилософском мышлении. В интерпретации Степанова, позиция реализма в философии языка заключается в утверждении того, что за выражениями языка стоят некие объективные, непсихологические по своей природе, сущности – вещи, концепты (идеи, эйдосы, универсалии), логические, а отчасти и этические истины. Согласно же номинализму, онтологические объекты не признаются существующими вне и до всякого языка, а извлекаются из языка или конструируются на его основе [Там же: 693, 581].

Анализируя позицию прагматики пятидесятых годов прошлого века с ее тезисом об отсутствии естественной связи между сторонами знака, а также между знаком в целом и предметом, Степанов позже откажется от номиналистического подхода в семиотике, положив в основу разработки своей доктрины Нового реализма идею о возможности «некоторого синтеза реалистических и номиналистических и идей» [Там же: 612]. Данный тезис имеет своим известным аналогом (хотя и в другом ментальном контексте) представления о разных степенях бытийственности и энергичности символа, развиваемые в патристической богословской традиции и в религиозных концепциях творчества (Вяч. Иванов).

Новый реализм как эпистемологическая доктрина и тип ментальности, в истолковании Степанова, имеет эксплицитно выраженную синтетическую направленность, возвращаясь на новом этапе и с новыми установками к одной из ведущих идей отечественной культуры – рассмотрению философии, религии (богословия), науки и искусства в их единстве. Однако, в отличие от интерпретации такого единства как организма цельного знания в отечественной школе Всеединства, Новый реализм склоняется к современному истолкованию подобного единства как союза, содружества, встречи и общего коммуникативного пространства для диалога по некоторым принципиальным вопросам их доктрины.

В научном познании Степанова интересовали точки роста в науке и предельные ситуации – основания, истоки, зарождение, потенциальное. А также внутренние границы предмета и то, что остается за его пределами. Наблюдая за процессами расширения и минимализации смыслов в современной гуманитарной науке, Степанов говорит о постепенном расширении предмета в сторону этики и усматривает возможность разработки теории нового расширения семиотики в виде создания единого информационного пространства [Степанов 2001: 39]. Другая возможность расширения семиотики лежит, по мысли Степанова, на пути включения в эту дисциплину исследования культурных концептов. В некоторых проектах Степанова семиотика (семиотика культуры) начинает пониматься так широко, что практически отождествляется и с наукой о человеке и даже с самой духовной жизнью.

В культурно-семиотических изысканиях Ю.С. Степанова наблюдается стремление к переходу от изучения формально-онтологического плана семиозиса культуры в сторону исследования его углубленно-духовного начала. Эксплицитным предметом его рассмотрения становится «Семиотика Внутреннего», направленная на постижение «Внутреннего человека», или «духа человека» [Кубрякова 2000: 25]. По словам Ю.С. Степанова, начиная «свою собственную семиотику», он уже знал, что придет к «Семиотике “Внутреннего”» [Степанов 2006: 10-11]. Ведь «семиотика и родилась не просто как “учение о знаках”, а как семиотика “внутреннего”» [Там же: 12].

На основе единения понятий эволюции и семиотики Степанов разрабатывает понятия *эволюции концептов культуры* и *эволюционных семиотических рядов культурных реалий* для описания динамических процессов в культуре [Степанов 1998: 87]. В своей неоконченной работе «Ряды, или Божественная среда» Степанов обращается к линии Живого и Жизни в контексте темы Вечности. Завершающий фрагмент данной работы, заканчивающийся словами о том, что понятие «Пробы Эволюции» есть «пробы в “Божественной среде”», погружает эволюционный Ряд Жизни в контекст темы Вечности [Степанов 2012: 16].

В работах Степанова речь часто идет о сокровенных глубинных процессах в культуре и обществе, ускользающих от своей объективации и еще не имеющих своего именованья. Наблюдая за процессами синтеза разных сфер в культуре, он говорит о зарождении всеобщей гуманитарной науки, именуемой им «новой всеобщей антропологией». По его словам, эта создаваемая наука есть «наука объединяющая: философия, логика, словесность и поэтика, живопись, ваяние, зодчество и науки о них, музыка и музыковедение» [Степанов 2007: 13]. Здесь Ю.С. Степанов семиотико-философским путем приходит к идее антропологического поворота в гуманитарном познании.

3. Антропологический поворот в гуманитарном познании XX в. Лингвокультурология как восхождение к «новой реальности» в метанаучном осмыслении В.Н. Телия. Специфику становления европейской мысли XX в. составляет так называемый антропологический поворот, заключающийся в перемещении исследовательского внимания от рассмотрения человека как субъекта познавательной деятельности к постижению человека в его целостности. В гуманитарном познании *антропологический поворот* находит свое выражение в возвращении к гумбольдтовской программе изучения языка в единстве со всеми фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, мирозерцанием, культурой и духовным миром человека. В лингвистике в русле данной тенденции находится формирование различных дисциплин интегративного характера, к числу которых может быть отнесена и активно развивающаяся в

наши дни лингвокультурология, предметом изучения которой является язык, рассматриваемый как феномен культуры.

Согласно историкографическому описанию В.А. Масловой, к концу прошлого века в Москве сформировались четыре *лингвокультурологические школы* [Маслова 2001: 30]. Это, во-первых, школа Ю.С. Степанова, направленная на описание констант культуры в их диахроническом аспекте. Во-вторых, школа Н.Д. Арутюновой, направленная на изучение универсальных терминов культуры разных времен и народов. В-третьих, лингвокультурологическая школа РУДН, развивающая концепцию взаимосвязи языка и культуры Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. И, в-четвертых, школа лингвокультурологического анализа В.Н. Телия, направленная на изучение языковых сущностей с позиции рефлексии носителя живого языка.

Путь в науке о языке Вероники Николаевны Телия, приведший ее к лингвокультурологии, проходил в русле перехода от имманентно-семиологического рассмотрения фразеологии как замкнутой «в самой себе и для себя» научной дисциплины к рассмотрению фразеологии в контексте культуры в рамках антропологической парадигмы познания. А в дальнейшем и к разработке на основе этой парадигмы лингвокультурологии – новой научной дисциплины, направленной на «исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой репрезентации» [Телия 1999: 16].

В соответствии с антропологической парадигмой центром внимания лингвистических исследований становится, по словам В.Н. Телия, «человеческий фактор в языке vs языковой фактор в человеке» [Телия 1996: 9]. В лингвокультурологии человеческий фактор в языке стал интерпретироваться как культурный фактор в языке⁵. Замечая, что лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее сказать – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке, Телия приходит к утверждению, что лингвокультурология и есть «достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Там же: 222]. Эта дисциплина имеет своей целью исследование «живых коммуникативных процессов и связи используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Там же: 218].

Первоначально В.Н. Телия понимала лингвокультурологию как раздел этнолингвистики, направленный на исследование взаимосвязи (корреспонденции) языка и культуры в их синхронном взаимодействии. В последующем Вероника Николаевна стала склоняться к мысли о возможности рассмотрения лингвокультурологии в качестве самостоятельной дисциплины, посвящаемой изучению процессов культурно-языкового синтеза, действующих в современном состоянии языка [Телия 1999: 15]. Отметим, что при своей адаптации категории синтеза в лингвокультурологии В.Н. Телия следует за общенаучным пониманием, согласно которому синтез рассматривается как представление изучаемой реалии в виде целого в единстве и взаимной связи его частей.

Предположение об осуществлении процессов *культурно-языкового синтеза* в речетворческой деятельности человека при синергетическом взаимодействии языка и культуры относится к числу фундаментальных идей лингвокультурологической концепции

---

⁵ Как отмечает Р.М. Фрумкина, занимаясь аналитическим рассмотрением когнитивных революций в научном познании конца XX в., здесь обнаружился эпистемологический тупик. Оказалось, что «в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект, — культуре» [Фрумкина 1995: 104].

В.Н. Телия⁶. Вопрос о типе и формах проявления такого взаимодействия (диалог, корреляция, корреспонденция, интеракция, соотношение и т.д.) был предметом постоянной лингвокультурологической рефлексии Вероники Николаевны.

Воплощение идеи о существовании процессов культурно-языкового синтеза при конструировании предмета лингвокультурологии предполагает необходимость проведения определенной редукции самого понятия культуры с учетом диапазона взаимодействия культуры и естественного языка. Целью такой редукции, или аспектуализации, по выражению В.Н. Телия, станет выделение свойств культуры, существенных для лингвокультурологического описания [Телия 1999: 18].

Эпистемологической основой лингвокультурологической концепции В.Н. Телия стала идея о необходимости нахождения «*новой реальности*» при создании новых дисциплин, развиваемая Р.М. Фрумкиной. По словам Фрумкиной, при «расшатывании» научных парадигм происходит выход науки за «пределы уже освоенных территорий» [Фрумкина 1995: 84]. При этом обнаруживается «как бы “новая реальность”», для описания которой требуется новый инструментарий, каковым и становится новый язык описания [Там же]. Чтобы воспринять такую реальность, утверждает Фрумкина, необходимо иметь о ней некоторое опытное предзнание, а также определенные представления о метаязыке, приемлемом для описания такой новой реальности.

В понимании В.Н. Телия, реальность, стоящая за лингвокультурологическими построениями, раскрывающими взаимосвязи языка и культуры, многомерна и в своем центральном ракурсе имеет *символическую (семиотическую)* природу. В этом своем выборе Телия следует за Э. Кассирером, согласно которому человек, в отличие от обитателей животного мира, пребывает не просто в более широкой реальности, но «живет как бы в новом измерении реальности», воспринимая реальность через посредство символов [Кассирер 1998: 471]. Он обитает в своей «символической Вселенной», или символическом универсуме, составляющими которого выступают язык, миф, искусство, религия.

Для В.Н. Телия такой символической Вселенной, «семиотически бытующей в человеке в виде ментальных структур осознания мира», является культура [Телия 2004: 680]. Обитателем и творцом этого символического универсума является homo symbolicus – «человек символический», в глубинах языкового сознания которого запечатлеваются и сохраняются древнейшие формы «окультуренного» освоения мира [Там же: 678]. Такие формы могут оживать в номинативной компетенции носителей языка и проявляться в их дискурсивных практиках.

В качестве основного теоретического понятия, позволяющего обнаруживать новые грани лингвокультурологической реальности в работах В.Н. Телия, выступает понятие *культурной (культурно-национальной) коннотации*, под которой понимается «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]⁷. При этом, подчеркивает Телия, языковые сущности получают способность обозначать «смыслы “языка” культуры» лишь в том случае, если они могут быть проинтерпретированы в пространстве кате-

---

⁶ Рассмотрение синергетического взаимодействия человека и его языка не только как продукта («эргона»), но и как «живой речетворческой деятельности (“энергей”», творящей как сам язык, так и языковое самосознание человека», принимаемое в концепции В.Н. Телия, восходит к учению Гумбольдта [Телия 1996: 271].

⁷ О культурной коннотации в понимании В.Н. Телия см.: [Ковшова 2012: 21-23; Маслова 2013: 70; Зыкова 2017: 448-449].

горий концептосферы и если этой интерпретации может быть придан «смысл “языка” этих категорий» [Телия 2007: 440].

4. «Памяти животворящий свет...». Наука как соборность и личное творчество⁸. Всякая наука едина в своем стремлении к истине и многолика в путях ее постижения. Такова и лингвистика, различные грани которой были явлены в творческом пути Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия. Наука живет преемственностью. В научном самосознании, всякий ученый-новатор оставляет в дар следующим поколениям в качестве своеобразного духовного завещания не только конкретные знания, полученные им в конкретной области исследования, но, прежде всего, открытый им новый интеллектуально-духовный мир как путь, по которому могут продвигаться следующие поколения. Существуют тексты, где путь этот приоткрывается самим творцом. Таков уже упоминавшийся текст последней работы Ю.С. Степанова «Ряды, или Божественная среда», который, по словам В.В. Фещенко, есть, по своей сути, «внутренняя речь человека, проделавшего путь в науке и теперь демонстрирующего, каким образом рождается сам “ход мысли” ученого» [Фещенко 2013: 64].

Рассмотрим несколько моментов из творческой деятельности Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, показывающих, как формируется у них «ход мысли» при создании образов языка и самой лингвистики.

Первый момент касается отношения к *парадигмальным основаниям научного мышления*. Философы науки отмечают, что научное познание в обычном своем («нормальном») режиме функционирования автономно и монопарадигмально. Но иногда в особых ситуациях границы предмета изучения меняются, и исследователь может выходить из традиционной парадигмы в полипарадигмальное пространство культуры. И даже в ее надпарадигмальное измерение. Таков был путь в науке Ю.С. Степанова с его установкой на надбарьерность и свободу от ментальных стереотипов и ведомственных разграничений в культуре, что предполагало для него возможность совмещения языков из терминологических систем разных парадигм – науки, искусства, философии, религии, мифологии.

При отказе от традиционных парадигм в конкретной науке начинается поиск новых научных парадигм, нового понимания исследуемой реальности, нового метаязыка. Таков был путь В.Н. Телия, стоявшей у истоков разработки лингвокультурологии как новой научной дисциплины и, в видении своих учеников и последователей, ставшей «первооткрывателем новой, лингвокультурологической, парадигмы в лингвистике» [Ковшова 2013: 4].

Другой путь был у Т.В. Булыгиной, которая не искала новых парадигм в науке, но в пределах открывшейся и предзаданной ей лингвистической парадигмы достигала наибольшей глубины в познании. Быть лингвистом в понимании Татьяны Вячеславовны означало органически соединять в своем восприятии лингвистической реальности все три основные начала в научном познании – теоретическое ведение, конкретно-эмпирическое представление и метанаучное осмысление.

Без преувеличения можно сказать, что язык во всех формах своего существования и во всей своей безмерности был жизнью, любовью и предметом неотступных размышлений Татьяны Вячеславовны. Он оставался для нее той извечной тайной, на разгадку

---

⁸ В названии данного раздела «Памяти животворящий свет...» приводятся слова из поэмы Евгения Боратынского «Воспоминания» (1819).

которой были направлены все ее духовные силы и способности – строгий математический ум ученого-теоретика, филологическая интуиция и безупречное чувство языка. В самом творческом лике Т.В. Булыгиной поражало соединение, казалось бы, несоединимого – умозерцательной глубины и математической оперативности. По словам ее ученика и соавтора С.А. Крылова, его всегда восхищало в работах Татьяны Вячеславовны «редкостное соединение дара озарения с даром доказательности» [Крылов 2000: 5].

Другой момент, значимый для понимания путей формирования творческой деятельности ученого, касается *диалогизма* в научном мышлении и научной жизни. Такой неповторимый дар живой диалогичности был у В.Н. Телия. По рассказам М.Л. Ковшовой, вокруг Вероники Николаевны всегда был «творческий коллектив, которому она передала свой главный девиз: “Всегда быть в диалоге”» [Ковшова 2013: 5]. Конструктивный научный диалог с учениками и коллегами стал любимым «форматом живого научного общения» для Вероники Николаевны, вспоминают И.В. Зыкова и В.В. Красных [Зыкова, Красных 2016: 8].

Диалогизм в науке проявляется, прежде всего, в умении слушать и слышать другого. Такой эмпатический дар услышать своего собеседника – как непосредственно находящегося перед ним, так и отдаленного веками истории – был у Ю.С. Степанова. Исследователи творчества Степанова упоминают о внутреннем диалогизме стиля его текстов, о том, что многие его тексты писались «в расчете на воображаемого, “провиденциального (по О. Мандельштаму) собеседника» [Фещенко 2013: 57]. Говорят об уникальной чуткости Юрия Сергеевича как поэта и художника мысли слышать и запечатлевать голоса разных эпох. Его способности выражать образ своего времени, своего века, «одним из надежных свидетелей» которого он стал [Азарова 2012: 47]. Сходным даром вслушиваться в слова и мысли другого обладала и Т.В. Булыгина. Эта способность ее к отождествлению своего творческого «Я» с соборным «мы» выражалась в постоянной готовности Татьяны Вячеславовны к подлинному соавторству.

Даже самое первое приближение к рассмотрению творческого мира наших коллег – Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия – свидетельствует о том, что в науке соборное и личностное начало не делимы друг с другом, но пребывают в неразрывном единстве. Что реальная жизнь в науке это не автоматическое функционирование безличного коллективного разума по производству и обмену знаниями, но – живое и творческое общение. Такое общение в научной жизни может осуществляться в самых разных формах – в виде личных бесед, переписки, больших и малых конференций, семинаров, а также разнообразных презентаций и перформансов⁹.

* * *

Ю.С. Степанова как «семиотического философа» в последние годы интересовал феномен портрета как выражения сущности человека, того, что христианские философы, по его словам, «изучают как ”ипостась”» [Степанов 2004: 251]. Портрет при таком понимании предстает как «образ ипостаси». В портрете, по словам Юрия Сергеевича, удостоверяется «вечная истина», но теперь она выступает здесь уже как «личная логическая истина» [Там же: 253].

---

⁹ О формах презентаций научной мысли и перформансов как событий свершения в творческом мире Ю.С. Степанова см. в работе Н.М. Азаровой [Азарова 2013].

В этих кратких заметках мы попытались в эскизной форме назвать некоторые черты творческого лика Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, задающие в своей совокупности портрет ученого нашего времени. Более глубокие планы и контуры такого портрета передают имена. «Ученый, Учитель, Друг», – говорит о Веронике Николаевне Телия М.Л. Ковшова в завершение своей статьи, посвященной ее памяти [Ковшова 2013: 6]. «Путеводной звездой» называет Татьяну Вячеславовну Булыгину С.А. Крылов [Крылов 2000: 5].

Художник мысли, Поэт, Созерцатель глубинных тайн познания и творчества, – говорят о Юрии Сергеевиче Степанове его почитатели и ученики. По их свидетельству, Юрий Сергеевич «обладал редким даром постижения глубин науки и тайн творчества, и – что еще более важно – редким и ценным даром приобщать к этим глубинам и тайнам своих друзей, коллег, почитателей и учеников» [ОР 2012: 19]. Но при этом, по словам В.З. Демьянкова, оставался великодушным человеком – «великодушным в жизни и научном творчестве» [Демьянков 2013: 13].

В заключение отметим, что многие работы наших незабвенных коллег Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия прошли испытание временем и стали лингвистической классикой. Многими излюбленными идеями их наша наука продолжает свой творческий путь в наступившем XXI веке.

Литература

Азарова Н. М. Юрий Сергеевич Степанов: образ языка как образ века // Критика и семиотика. Новосибирск; М., 2012. № 17. Памяти Юрия Сергеевича Степанова. 34–47.

Азарова Н. М. Личность ученого. Ю.С. Степанов в трехмерном пространстве науки, искусства и быта // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М.: Эйдос, 2013. С. 38–47.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.

Булыгина Т. В. Синхронное описание и внеэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 118–142.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М. Школа «Языки русской культуры», 1997. 574 с.

Демьянков В. З. Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю.С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М.: Эйдос, 2013. С. 6–13.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. С. 542–638.

Зыкова И. В., Крсных. В. В. Вероника Николаевна Телия. НЕуходящая натура // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей, посвященных памяти В.Н. Телия М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 7–10.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 781 с.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.;

Ковшова М.Л. Вероника Николаевна Телия. 1930-2011 // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М.: МАКС Пресс. Вып. 46. 2013. С. 4–6.

Крылов С. А. О работах Т.В. Булыгиной по логическому анализу естественного языка

- // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 3–6/
Кубрякова Е. С. Краткий очерк научной деятельности // Юрий Сергеевич Степанов. Материалы к библиографии ученых. М.: Наука, 2000. С. 7–25.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб., заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Маслова В. А.* Memotia et gloria // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М.: МАКС Пресс. Вып. 46. 2013. С. 68–73.
- От редколлегии. Юрий Сергеевич Степанов (1930-2012) // Критика и семиотика. Новосибирск; М., 2012. Выпуск 17. Памяти Юрия Сергеевича Степанова. С. 17–19 (ОР).
- Постовалова В. И.* Отечественная лингвистика XX века и ее корифеи: Б.А. Серебренников: жизнь и творчество // Вопросы психолингвистики. 2017 а, № 1 (31). С. 238–253.
- Постовалова В. И.* Отечественная лингвистика XX века и ее корифеи: Б.А. Серебренников: учение о языке // Вопросы психолингвистики. 2017 б, № 2 (32). С. 226–241.
- Степанов Ю. С.* Введение // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 3–13.
- Степанов Ю. С.* Язык и Метод: К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
- Степанов Ю. С.* Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42.
- Степанов Ю. С.* Протей: Очерк хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004. 264 с.
- Степанов Ю. [С.]*. Семиотика, Философия, Авангард // Семиотика и Авангард: Антология. М.: Академический Проект; Культура, 2006. С. 5–32.
- Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 247 с.
- Степанов Ю. С.* Ряды, или Божественная среда // Критика и семиотика. Вып. 17. Новосибирск, 2012. С. 5–16.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–14.
- Телия В. Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
- Телия В. Н.* Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: Сб. научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 433–441.
- Фещенко В. В.* О стиле ученого: научная и художественная образность в работах Ю.С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова. М.: Эйдос, 2013. С. 57–67.
- Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 1995. С. 74–117.

**LINGUISTICS IN THE 20th-21st CENTURIES AND ITS CREATIVE IMAGES.
ABOUT THE SECTION OF GENERAL LINGUISTICS:
T. V. BULYGINA, Yu. S. STEPANOV AND V. N. TELIYA**

Valentina I. Postovalova

Chief Researcher
Institute of Linguistics
Russian Academy of Sciences
1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per.,
Moscow, 125009 Russia
aroni4@yandex.ru

The article commemorates the 90th anniversary of the birth of T. V. Bulygina, Yu. S. Stepanov and V. N. Teliya who worked in the Section of General Linguistics. The analytic description of their creative path provides evidence that the section, where their scientific research had been carried out for almost 50 years, used to be a real microcosm of linguistic thought. It is the place where the approaches and directions of research considered to be leading in modern humanities, have been developed (philosophy of language, metalinguistics, linguosemiotics, communicative linguistics, linguocultural studies). The researchers in the section used to discuss theoretical and methodological issues which are still relevant nowadays and provided a lot of food for thought and a basis for many discussions in modern linguistics. Among the issues under consideration it is necessary to emphasize the reflective ones, connected with the identification of the subject of linguistic studies, setting the limits of linguistic reality, evaluation of the scientific character of research, understanding the integrative processes observed in humanities, the issues of formation of scientific paradigms and the paradigm shift. The current article deals with some features of the creative images of T. V. Bulygina, Yu. S. Stepanov and V. N. Teliya, together making a portrait of a modern scientist.

Keywords: semiotics, philosophy of language, metalinguistics, intrascientific reflection, linguocultural studies, scientific paradigm, anthropological turn, realism and nominalism, language and culture synthesis

References

Azarova N. M. Yuriy Sergeevich Stepanov: obraz yazyka kak obraz veka [Yury Sergeevich Stepanov: the image of the language as the image of the century] // *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. Novosibirsk; Moscow, 2012, no. 17. Pamyati YUriya Sergeevicha Stepanova [Dedicated to the Memory of Yury Sergeevich Stepanov]. P. 34–47. (In Russian).

Azarova N. M. Lichnost' uchenogo. Yu.S. Stepanov v trekhmernom prostranstve nauki, iskusstva i byta [Personality of the scientist. Yu. S. Stepanov in a three-dimensional space of science, art and daily routine] // *Yazykovye parametry sovremennoj tsivilizatsii*. Sb. trudov pervoj nauchnoj konferentsii pamyati akademika RAN Yu.S. Stepanova [Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference dedicated to the memory of academician of RAS Yu. S. Stepanov]. Moscow: Eidos, 2013. P. 38–47. (In Russian).

Bulygina T. V. Problemy teorii morfologicheskikh modelej [Problems of the theory of morphological models]. Moscow: Nauka, 1977. 287 s. (In Russian).

Bulygina T. V. Sinkhronnoe opisaniye i vneempiricheskie kriterii ego otsenki [Synchronic description and non-empirical criteria of its evaluation] // *Gipoteza v sovremennoy lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow: Nauka, 1980. P. 118–142. (In Russian).

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. 574 p. (In Russian).

Dem'yankov V. Z. Sintaktika, semantika i pragmatika v nauchnom tvorchestve YU.S. Stepanova [Syntaxics, semantics and pragmatics in scientific and creative work of Yu. S. Stepanov] // [Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference dedicated to the memory of academician of RAS Yu. S. Stepanov]. Moscow: Eidos, 2013. P. 6–13. (In Russian).

Zykova I. V. Metayazyk lingvokul'turologii: Konstanty i variant [Meta-language of language and culture studies: constants and variants]. Moscow: Gnozis, 2017. P. 542–638. (In Russian).

Zykova I. V., Krsnykh V. V. Veronika Nikolaevna Teliya. NEukhodyashhaya natura [Veronika Nikolaevna Teliya. The NEVER-leaving character] // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statej, posvyashhennykh pamyati V.N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya] Moscow: MAKS Press, 2016. Issue. 53. P. 7–10. (In Russian).

Kassirer E. H. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. [Selected Writings. Experience about a person] Moscow: Gardariki, 1998. 781 p. (In Russian).

Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguocultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM, 2012. 453 p. (In Russian).

Kovshova M. L. Veronika Nikolaevna Teliya. 1930-2011 [Veronika Nikolaevna Teliya. 1930-2011] // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. nauchnykh statej, posvyashhennykh pamyati V.N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya]. Moscow: MAKS Press. Issue 46. 2013. P. 4–6. (In Russian).

Krylov S. A. O rabotakh T.V. Bulyginoj po logicheskomu analizu estestvennogo yazyka [About the works on logical analysis of natural language written by T. V. Bulygina] // *Logicheskij analiz yazyka: Yazyki ehtiki* [Logical analysis of language: Languages of ethics]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. P. 3–6. (In Russian).

Kubryakova E. S. Kratkij ocherk nauchnoj deyatel'nosti [A brief study of scientific research] // *Yurij Sergeevich Stepanov. Materialy k bibliografii uchenykh* [Yury Sergeevich Stepanov. Materials for the bibliography of scientists]. Moscow: Nauka, 2000. P. 7–25. (In Russian).

Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb., zavedenij [Language and Culture Studies: A course book for students studying in institutions of higher education]. Moscow: Akademiya, 2001. 208 p. (In Russian).

Maslova V. A. Memotia et gloria [Memotia et gloria] // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. nauchnykh statej, posvyashhennykh pamyati V.N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya]. Moscow: MAKS Press. Issue 46. 2013. P. 68–73. (In Russian).

Ot redkollegii [On behalf of editorial board]. *Yurij Sergeevich Stepanov (1930-2012)* [Yury Sergeevich Stepanov (1930-2012)] // *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics].

Novosibirsk; Moscow, 2012. no 17. Pamyati YUriya Sergeevicha Stepanova [Dedicated to the Memory of Yury Sergeevich Stepanov]. P. 17–19 (OR). (In Russian).

Postovalova V. I. Otechestvennaya lingvistika XX veka i ee korifei: B.A. Serebrennikov: zhizn' i tvorchestvo [Russian linguistics of the 20th century and its prominent figures. B. A. Serebrennikov: his life and scientific work] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2017 a, #1 (31). P. 238–253. (In Russian).

Postovalova V. I. Otechestvennaya lingvistika XX veka i ee korifei: B.A. Serebrennikov: uchenie o yazyke [Russian linguistics of the 20th century and its prominent figures. B. A. Serebrennikov: the language theory] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2017 b, #2 (32). P. 226–241. (In Russian).

Stepanov Yu.S. Vvedenie [Introduction] // *Gipoteza v sovremennoj lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow: Nauka, 1980. P. 3-13. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Yazyk i Metod: K sovremennoj filosofii yazyka [Language and Method: The modern philosophy of language]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 p. (In Russian).

Stepanov Yu.S. Vvodnaya stat'ya. V mire semiotiki [Introductory article. In the world of semiotics] // *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. P. 5–42. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Protej: Oчерk khaoticheskoj ehvolyutsii [Proteus: Essays on chaotic evolution]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 264 p. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Semiotika, Filosofiya, Avangard [Semiotics, Philosophy, Avant-garde] // *Semiotika i Avangard: Antologiya* [Semiotics and Avant-garde: Anthology]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Kul'tura, 2006. P. 5–32. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii [Concepts. A thin layer of civilization]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 247 p. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Ryady, ili Bozhestvennaya sreda [The series, or Divine Environment] // *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. Issue 17. Novosibirsk, 2012. P. 5–16. (In Russian).

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 p. (In Russian).

Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [The main tasks and methodological problems of research of phraseological units in the context of culture] // *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. P. 13–14. (In Russian).

Teliya V. N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Factor of culture and reproducibility of idioms – signs – microtexts] // *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. statej v chest' N.D. Arutyunovoj* [Hidden meanings. Word. Text. Culture. Collection of scientific articles dedicated to N. D. Arutyunova]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. P. 674–684. (In Russian).

Teliya V. N. Glubinnno-smyslovye plasty kul'tury i ee simbyol'arij v arkhitektonike frazeologizmov-idiom [Deep semantic layers of culture and its symbolarium in architectonics of idioms] // *Yazyk i dejstvitel'nost': Sb. nauchnykh trudov pamyati V.G. Gaka* [Language and reality. Collection of scientific articles dedicated to V.G. Gak]. Moscow: LENAND, 2007. P. 433–441. (In Russian).

Feshhenko V. V. O stile uchenogo: nauchnaya i khudozhestvennaya obraznost' v rabotakh Yu.S. Stepanova [About the style of a scientist: scientific and artistic imagery in the works written by Yu. S. Stepanov] // *Yazykovye parametry sovremennoj tsivilizatsii*. Sb. trudov pervoj nauchnoj konferentsii pamyati akademika RAN Yu.S. Stepanova [Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference dedicated to the memory of academician of RAS Yu. S. Stepanov]. Moscow: Eidos, 2013. P. 57–67. (In Russian).

Frumkina R. M. Est' li u sovremennoj lingvistiki svoya ehpistemologiya? [Does modern linguistics have its epistemology?] // *Yazyk i nauka kontsa 20 veka: Sb. Statej* [Language and Science of the end of the 20th century: Collection of scientific articles]. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t., 1995. P. 74–117. (In Russian).